

Мама - друг человека

*Моему родному человеку, который стёр все
границы между дружбой и всепоглощающей
материнской любовью. Спасибо за твоё доверие.*

Самой лучшей сестрёнке на свете.

Все события и герои вымышлены, любые совпадения случайны.

* * *

Всем привет! Меня зовут Артём, четыре месяца назад мне исполнилось одиннадцать лет.

Обычно я пишу детективы с мистическими исчезновениями и неожиданными развязками. Но в этот раз мне захотелось написать про себя и про маму.

Конечно, она не идеал: ругает меня иногда, заставляет убирать комнату, чистить зубы каждый день, не разрешает есть много сладостей. Каждый раз, когда я сажусь играть в видеоигры, она говорит: «Иди лучше книжку почитай». Но, несмотря на всё это, моя мама хорошая и очень весёлая. С ней даже можно дружить.

Russian-American

Я родился в городе Бельвью, штат Вашингтон, в США, у русских мамы и папы.

Маму зовут Таня, лицо у неё обыкновенное, русское, волосы русые, мама как мама: заставляет мыться после тренировок и есть суп!

Папа – Андрей, высокий, худой, работает много, разговаривает мало, на фотках не улыбается, говорит, что социальные сети – это трата времени, и удалился оттуда.

Я тоже хочу быть как папа. Как только вырасту, то тоже сразу же с удалюсь из всех социальных сетей! А то мама почти всегда сидит, уткнувшись в телефон, я её спрашиваю: «Мам, ты что с телефоном всегда?» А она отвечает: «У меня зависимость, сынок, я вот сама уже не хочу, надоел, а руки так и тянутся к нему!» «Ужас! – испугался я. – Никогда мне телефон не покупай!» Она улыбнулась и просит: «А теперь повтори эту фразу ещё разок, я видео сниму, буду тебе показывать, если смартфон попросишь! – а потом добавила: – Да шучу я, сын. С телефона я в школе обеды вам заказываю, читаю письма от учителей, расписание тренировок ваших смотрю, с бабушкой и дедушкой из России переписываюсь, фотографии им высылаю, да и много чего полезного можно делать! Не только же ерунду!»

Так вот, родился я русским американцем – Russian-American, потому что в Соединённых Штатах гражданство получаешь по рождению, родился в Америке, значит – американец. А в России неважно, где родился: если папа с мамой россияне – ты тоже россиянин.

Вы думаете, это классно, когда ты и русский, и американец одновременно. Можно собрать лучшее из двух великих культур, да и языка два. Но в жизни всё по-другому – в Америке я русский, а в России я американец. Английский в школе догонял, года три ходил на ESL – English Second Language – программу, потому что до школы дома говорил только по-русски. Все на перемене играют на детской площадке, а ты... эх, английский учишь. Домой придёшь, а там мама заставляет русским заниматься: читать, выполнять задания, запоминать словарные слова, стихи и правила: «Жи-ши пиши с буквой и».

Как-то делал я упражнение, требовалось вставить пропущенные безударные гласные. «СТ...ДИОН»... Я подумал и написал Ы – СТЫДИОН. Мама глаза выкатила и спрашивает: «СтАдион. Почему ы?» – «Ы потому, что проверочное слово СТЫД. Я как раз вчера был на стЫдионе, там наши проиграли слабой команде 3:6. Такой стыд!» – «У меня не сын, а анекдот ходячий! – засмеялась мама. – После твоей БЛЮБЛЯТЕКИ и СТЫДИОНА не знаю, чего ждать! Запомни, пожалуйста, – ста-ди-он».

Мама повторяет, как попугай: «Русский пригодится, вот поедем в Россию, а ты по-русски понимаешь!» Ага, только мы нечасто в Россию ездим, потому что братишки маленькие, не всякий взрослый выдержит трансатлантический перелёт длиной в двенадцать часов.

Но в России мне нравится. Не всё, конечно. Так, давайте по порядку.

Приехали мы к деду. Живёт он в спальном районе Москвы. У него огромный серый бетонный дом, несколько дверей – я сразу вывод сделал, что у деда таунхаус. Пока дед кодовый замок на огромной железной двери открывал, мы с Мишкой, как воспитанные, стали ботинки снимать! Мама

увидела и с ужасом спрашивает: «Вы что делаете?» – «В обуви в дом же нельзя!» Мама смеётся: «Американский ребёнок! Подъезда не видел! Это ещё не дедушкина квартира, тут не надо кроссовки снимать».

Зашли мы, значит, в подъезд, а там воняет! Ужас, как будто все бомжи из центра Сан-Франциско тоже к моему деду приехали. Дед извинился, сказал, у них мусоропровод в подъезде засорился, поэтому запах. Дошли мы до двери, она огромная, на трёх замках, дедушка, позвякивая связкой ключей, минуты три дверь открывал. «Дед, ты что, в банке живёшь? Или миллион дома хранишь, зачем тебе столько замков и большая дверь?» А они опять хохотать: «Эх, американцы! Это от воров! У вас-то воров поди нет!» Но что меня шокировало, так это то, что когда он эту дверь открыл, там была ещё одна! И это не всё. Когда мы всё-таки в квартирку попали, она оказалась крохотной, и, похоже, дед от воров банки с солёными огурцами берёт. Во-первых, это «деликатес» – дед сам консервировал; во-вторых, больше ничего ценного у деда Вовы в квартире и не было: старый диван, телевизор, который не работает, велосипед, крохотный холодильник и кошка Пушинка. Квартира маленькая: одна комната, кухонька, туалет с ванной и коридорчик чуть больше Пушинкиного лотка. Зато вид из окна волшебный: весь двор как на ладони, трубы огромные от теплостанции, из них дым валит. Высота – небоскрёб настоящий.

У деда в Москве мы недолго были, на следующий день к дедушке Толе и бабушке Любе в Казань поехали. Там я и узнал, что у меня много, очень много родственников и людей, которые знают, как меня зовут и другие факты обо мне.

Каждый день в Казани мы ходили в гости. Это понравилось всем, даже Ромке. Тебе все радуются, угощают вкусной едой, пирогами, печеньями и даже конфетки дают. Чтоб я так жил. Мама, правда, следит, забирает треть, чтобы мы росли законными налогоплательщиками. Иногда в гостях игрушки дарят, играют с нами, мультики включают. Я сначала стеснялся, а потом привык и с самого утра спрашивал маму: «А когда уже в гости пойдём?»

Но однажды гости в Казани закончились, по второму кругу мама ходить не захотела, хотя нас с Мишкой все звали, и мы поехали к прабабушке в деревню.

Деревня – это самое лучшее, что бывает в России! Только там я узнал, что такое свобода – мы бегали с деревенскими ребятами одни, без взрослых, куда нам вздумается!

В деревне мне понравилось сразу, как только мы вошли в низкий бревенчатый домик прабабушки, чем-то напоминавший избушку Бабы-яги из книжек, только без ножек – наверное, сидела в гнезде, яйца с избушатами высиживала. Двери маленькие, взрослые всегда наклонялись, чтоб пройти, а мне удобно – как раз мой размерчик. Я ещё подумал: это гномы, что ли, строили?

Зашли, осмотреться ещё не успели, тут же стали люди к нам в дом то и дело заходить, вся деревня сбегалась на американцев посмотреть. Смотрят на нас, спрашивают, как зовут, правда ли я в Америке живу, почему так по-русски хорошо разговариваю... Тут мама встряла: «Это же мои дети, конечно, они по-русски говорят! Я же по-русски говорю!» А они сомневаются, дальше спрашивают, знаю ли я английский. Отвечаю: «Знаю я». – «Скажи что-нибудь!» А я не будь дураком говорю: «Одно слово – десять рублей!» – «О,

как! – удивились все. – Точно американец, наших детей такому не учат!» Я не понял, хорошо это или плохо, но после этого перестали расспрашивать, поверили, видно.

Прабабушка у нас очень древняя, ростом почти с меня, чуть-чуть выше, ходит с палочкой и слышит не очень хорошо. Я был с ней вежливым, всегда старался помочь. Мама решила молодость вспомнить – не боясь испортить маникюр, пошла картошку окучивать.

Окучивать – это засыпать стебель картофеля у корня землёй, делать кучку вокруг картошки. Папа с нами не поехал, он эти танцы с мотыгами не понимает, путешествие в прошлый век, говорит. Люди роботов изобрели, а вы тут вручную окучиваете! Нецелесообразное использование ресурсов планеты. А мама считает огородные работы видом спорта и «единением с природой» – «через труд с землёй постигает душа гармонию и счастье, открывается портал в космос!» И к тому же у неё зов предков! Я так понял, это бабушка с дедушкой её всегда зовут картошку копать или окучивать, а они её родители, предки, значит.

Мне дали ведро: собирать колорадских жуков. Бабушка сказала: «Вон как американцы картошечку нашу любят!» Только я не понял, она про нас с Мишкой или про жуков из штата Колорадо?!

Прабабушка радовалась, что много я вредителей насобирал, и меня благодарила: «Тавтапус. Маттур эсё, Артём. Мён тери пулăшакан». И я тогда пожалел, что мало языков учил – прабабушка наша на чувашском разговаривает. Я ничего толком не понял. Так что учите, друзья, языки, особенно чувашский.

А ещё в России мы таскались по бесконечным лабиринтам музеев, выставкам, театрам, консерваториям и просто по улицам, наслаждаясь архитектурой прошлых столетий. Мама утверждала, что нам это необходимо увидеть и обогатить внутренний мир. Только мы с Мишкой без конфет не очень продуктивно обогащаемся, поэтому всегда были от усталости и голода, так что все наши культурные мероприятия больше напоминали мучения, чем наслаждения. «Возможно, вы оцените это позже, когда чуточку подрастёте», – вздыхала мама.

Братья

У меня тяжёлая судьба! Потому что у меня целых два младших брата. Ну, вы понимаете, один ещё куда ни шло, а два – катастрофа!

Как-то я подошёл к маме и спрашиваю: «Вы же с папой Мишку родили, чтоб он со мной играл?» Она захлопала ресницами от удивления и растерянно кивнула. «Я его уже полчаса уговариваю со мной в хоккей поиграть, а он не хочет. Иди, пожалуйста, объясни брату, для чего он родился!» Конечно, мама сразу начала лепетать, что не только для этого, и что Мишкины желания тоже учитывать надо. А мои учитывали?

Помню, когда мне было шесть лет, мама подошла, улыбнулась, обняла и ласково спросила: «Сынок, а ты хотел бы ещё маленького братика?» Что за глупый вопрос! Конечно нет! Я ей так и сказал: «Нет! Ни за что! У меня и так Мишка все игрушки забирает! А если и новый брат вздумает: мне тогда совсем не с чем играть будет!»

Мама погладила меня по голове и прошептала: «Нет! Наоборот – новый брат у Мишки всё отбирать будет!» Раз так, я согласился, конечно. Но это

оказалась подстава! Ромка-то, наш самый младший, хитрец: чуть что не так – орать! И родители несутся: «Ромочка, что случилось, маленький?» А мне: «Артём, быстро верни его мячик, пожалуйста!» А «пожалуйста» такое злое! Поди не верни – точно останешься без видеоигр на входных. Вот Ромка от такого обращения и возомнил себя главным братом, честное слово. А мне обещали, что старший брат будет командовать. Ага! В жизни всё не так.

Возможно, я и погорячился. Классные у меня братишки! Ромка лапочка, а Мишка очень смешной. Я когда один у родителей был: скукота, да и только! Взрослые, они в веселье ничегошеньки не понимают. Нельзя да нельзя! Только когда Мишка родился, я понял, сколько всего весёлого можно.

Однажды Мишка бросал сырые яйца в окно, облил маму из шланга, облизал улитку и вырыл подкоп под забором в детском саду – еле успели всех детей от побега спасти. Воспитательнице повезло, что Финли в подкопе застрял, никто сбежать не успел! Суперский он, мой Мишка, знает толк в развлечениях.

По моим наблюдениям: родители, если ребёнку ещё нет трёх лет, особо его и не ругают. В пять лет детям приходится туго, требования к ним со стороны взрослых тоже растут! Да что там говорить, каково детям в одиннадцать! Рабство какое-то, одни указания!

Когда мы с Мишкой подерёмся или доведёт он меня окончательно, мама повторяет: «Артём! Так нельзя! Он же твой брат!»

Мама хоть и старшая сестра, но, похоже, забыла, каково это – с младшими жить, потому что всегда Мишку выгораживает, всегда на его стороне! Чуть что: «Миша-Мишенька». А мне: «Ты остаёшься без десерта

сегодня!» Ну и ешьте свои десерты сами, зубы пусть у вас выпадут, нужны они мне сто лет!

Если сравнивать, конечно (у Петьки сестра такая приставучая), то мой Мишка – сокровище просто! С ним иногда и в хоккей поиграть можно, леги собираем вместе.

Как-то зову я Мишку играть в хоккей. Спрашиваю: «Ты игрок или на ворота?» А он: «А ты?» Я говорю: «Без разницы, но вратарём больше хочу!» Мишка тут же ныть: «И я вратарём!» – «Ладно, так и быть! Ты вратарь!» А я знал, что он захочет, как я, поэтому специально наоборот сказал, я-то забивать хотел. Ха-ха!

Игра в разгаре, стоит Мишка у дверного прохода, щитки вратарские, клюшка. Всё на месте. Я стараюсь, бью из угла – гол! Мишка тут же в слёзы! «Я так не играю!» Приходится его упрашивать ещё поиграть. В прошлый раз Мишка выпросил у меня мини-фигурку минотавра! Куда деваться? Подарил. Младший брат называется – просто так уже не играет с тобой.

Мама не любит, когда я на Мишку жалуюсь. И всегда говорит: «Может, и мы с тётей Леной ссоримся, но мы семья – надо уметь прощать!» Нормально! Что это за аргумент такой? Семья! Мы абсолютно разные люди, только на новогодние фотосессии надеваем одинаковые свитера.

Я очень люблю истории про то, как мама с тётей Леной были маленькими. Перед сном прошу маму что-нибудь рассказать из её детства. Она если вспомнит что-то интересное или не уснёт первая, пока Ромку укладывает, то всегда рассказывает и сама смеётся, только шёпотом, так только она умеет. Это чтоб Мишку с Ромкой не разбудить.

Комбайн

Всё лето мама с тётей Леной жили на даче у бабули с дедом. Как-то бабуля сварила суп с крапивой. Когда мама это сказала, я не поверил! Бабуля? Моя бабулечка? Которая печёт для нас пирожки, печенья, кексы? Она может кормить такой гадостью? Супом с крапивой? Или у вас, что, война была? «Нет, конечно! – возразила мама. – Война была, когда твоя прабабушка была маленькой!»

Тогда я сообразил: мамы, когда становятся бабушками, сразу начинают любить и понимать детей больше. Перестают варить супы с крапивами и готовят нормальную человеческую еду: блинчики, тортики со сгущёнкой.

Мама не любила суп с крапивой, не смогла съесть ни ложки и, незаметно проскользнув из кухни, вылила всю тарелку на землю под куст вишни.

Вернулась, бабушке спасибо сказала и улыбается. А бабушка говорит: «Молодец, доченька, суп понравился! Вот тебе добавка!» – и хоп! – половник супа в пустую тарелку!

Мама сразу же пошла за дом, опять выливать суп: тут-то её бабушка и поймала. Ох, наказали! Три дня на грядках сорняки дёргали, хотя они и без наказания только этим и занимались на даче. Но всё равно обидно.

Но я совсем не про суп рассказать хотел. А про то, как мама была хорошей старшей сестрой.

Как-то лето выдалось особенно жарким. У мамы и тёти Лены каникулы, жили они на даче у бабули, грядки пололи, в бочке купались – одним словом, трудное детство без электронных устройств и интернета, тоска.

Хотя... Бочка – это круто! Я купался, мне так понравилось. Это как малюсенький персональный бассейн, хороший способ спастись от жары. Но мама рассказывала, что уже и в бочке кипяток был, живность от тепла расплодилась: головастики и жуки в воде барахтались. Вот она и решила на речку пойти. Всего ничего, километров семь от их садового участка. Но это не беда, мама знала, как и где можно сократить путь.

Спустились девочки с холма по дороге, пролезли в дыру в заборе, перебрались через ручей по камням, и тётя Лена говорит: «Всё! Я устала!» – «Ты что? Мы только минут десять идём!» – удивилась мама.

Прошли они посадку, поле, ещё одну посадку, мимо второго поля с высоченной кукурузой идут. Тётя Лена опять за своё: «Я устала, не могу больше! Жарко, ножка болит!» – «Давай, – придумала маленькая мама, – через поле сократим, видишь – на горизонте еловые макушки, за той посадкой сразу речка. Мы уже так много прошли, обидно возвращаться, не искупавшись». – «Хорошо», – неохотно согласилась маленькая тётя Лена.

Пошли они по полю, кукуруза раза в два выше их роста, не видно ничего: только толстые кукурузные стебли, глянцевые зелёные листья и спелые початки, вот-вот лопнут. Идут, не сворачивая, в выбранном направлении, вдруг слышат – мотор тарахтит! Стала мама прыгать, видит – едет в их сторону комбайн. «Ленка! Бежим, нас сейчас комбайн скосит! Не видно ему нас!» Мама бежать, а тётя Лена стоит плачет. Страшно ей! Схватила мама сестрёнку за руку и тянет за собой. Земля в поле неровная, с ухабами, комья сухой земли под ногами, колючки, кукурузу двумя руками раздвигают, бегут девочки. Тётя Лена плачет крокодиловыми слезами, шлёпки слетают, спотыкается. «Не могу бежа-а-а-ать!» – ревёт она навзрыд. Мама подошла к

сестрёнке, присела на колено и говорит: «Садись скорее ко мне на спину!» Повисла тётя Лена на маме. А мама держит её за ноги, бежит и смеётся: «Не бойся, Ленка, комбайн еще далеко!» Это она специально, чтоб сестрёнку успокоить, на самом деле, она сама тогда тоже очень испугалась.

Наконец, выбежали девочки на скошенную полосу посреди поля. Странно, комбайн косить с середины поля начал. «Всё! Слезай! Теперь нас водитель издалека увидеть может, тут скошено! И откуда это он взялся? Когда мы в поле заходили, комбайн не заметили», – удивлялась маленькая мама.

Шли сестрички по скошенной полосе, не сворачивая, желание сокращать путь через поле пропало куда-то. Тётя Лена всхлипывала время от времени: «И зачем только я с тобой пошла?» – «Ты что, Ленка, такие приключения! Будем потом детям и внукам рассказывать!» – подбадривала её мама.

К счастью, вскоре вышли девочки на просёлочную дорогу, ноги по щиколотку в мягкой пыли, от каждого шага пыль до пояса вверх подлетает.

«Всё! Пять минут – и будем плескаться в прохладной водичке! Вот здорово!» – радовалась мама. «Нам же потом обратно идти! А я пить хочу! Кушать!» – ныла тётя Лена. «Пить! Подумаешь! Жаль, конечно, что мы пить не взяли, жарыща, ещё бегать пришлось по полю. Но ты не волнуйся, сейчас искупнёмся, и жажда пройдёт сама собой!» – успокаивала старшая сестра младшую.

Через минуту по дороге промчался, подпрыгивая на колдобинах, старый жигуль, поднимая пыль столбом. Стоят сестры в клубях пыли, щурятся, плюются.

«Не пойду я с тобой больше никуда», – зарыдала тётя Лена. «Да ладно тебе, в реке всю пыль и отмоем», – не унывала мама.

К счастью, вскоре показалась речка, узкая, изворотливая. Изгибаясь, торопясь, бежала маленькая речка Мёша на встречу к старшей сестре – большой и широкой реке Каме.

У реки зной спал, воздух стал влажнее, приятнее. Маленькая мама высматривала берег, где он более пологий, чтоб купаться неглубоко было. Смотрит, а на их любимом месте стадо коров, голов тридцать-сорок. С быками, телятами, кто травку жуёт, кто лежит на берегу, некоторые в воде стоят, комаров и слепней хвостами отгоняют. Думает мама, где ж лучше им к реке спуститься и в воду залезть.

«Я коров боюсь, они забодать могут», – канючит тётя Лена.

«Да ты что? Они на тебя и не посмотрят! У тебя купальник синий. Они только тех бодают, у кого купальники красные», – спокойным голосом поясняет маленькая мама.

Зашли девочки в воду, плещутся, радуются. Присели где мелко, руками бултыхают.

«Ну что, хорошо?» – спрашивает мама, а самая такая весёлая, ведь, несмотря на все трудности и невзгоды, они дошли до цели.

«Хорошо», – улыбается тётя Лена, с опаской поглядывая на коров, которые стоят шагах в десяти от сестёр.

«Ленка! Спасайся!» – вдруг крикнула мама.

Коровы где стояли, там и опорожнялись, быстрое течение подхватывало тёплые лепёшки и несло на юных пловчих. С визгом и криком выбежали девочки из реки.

«Думаю, нам домой пора!» – заключила мама.

Тётя Лена ничего не ответила, только с укором посмотрела на сестру. Понятное дело, почему она больше никогда с мамой на Мёшу купаться не ходила.

Переезды

По программе второго класса, каждый ученик готовит небольшую презентацию о себе и своей семье, в частности о самых первых её представителях, которые мигрировали в штаты.

Например, прапрадедушка Мерсины пешком перебежал через пустыню, пересёк границу Мексики и США, а второй её дедушка приплыл на корабле из Швеции. Она принесла на урок его шляпу – семейную реликвию.

Моё выступление получилось коротким, потому что мои родители первые в нашей династии, кто приехал в штаты, а я соответственно первое поколение Kofonov's, рождённых на свободной земле и на Родине храбрых! (*The land of the free and the home of the brave*).

В 2006 году папа закончил МГУ, выиграл конкурс программных проектов в Японии и его пригласили пройти интервью в Майкрософт. Мои родители никогда не планировали уезжать из России, но предложение показалось заманчивым, и они рискнули, думая, что вернуться обратно всегда можно.

И вот мои родители, им было по двадцать два года, продали свои любимые горные велосипеды (единственное имущество, которое они успели нажить), отправили сто пятьдесят килограмм книг перевозчиками, собрали два рюкзака и на самолёт.

Так моя семья попала в Сиэтл, где располагается штаб-квартира майкрософт. Хотя я там был, ни на штаб, и уж тем более на квартиру это не похоже. Это целый маленький городок офисов гигантской корпорации.

Когда мне было четыре года, перед рождением Мишки, мы переехали в Северную Калифорнию, Сан Франциско Bay Area. На весь мир эта область известна, как «Кремневая долина».

Мама перефразировал известную фразу Ги де Мопасана про Париж* как: «Программист – это человек, который рождается в провинции, чтобы жить в кремневой долине».

И в этом есть доля правды, ведь именно в долине, 75% приезжих, среди них 90% со всего мира. Кстати, хорошая задачка, посчитайте сколько всего приезжих со всего мира в долине? (Жаль в книгу нельзя вставлять смайлики!)

Но и оттуда нам пришлось переехать, спустя пять лет. Инициатором была мама. Когда Ромка, проходя мимо парковки, своему другу с детской площадки сказал: «А это мамина машина. Она там живёт!» Мама разрыдалась.

«Мы живём в этих пробках. Это ад какой-то! Ладно мои лучшие годы, а у детей нечестно детство воровать? Детям свобода нужна! просторы!» – аргументировала она.

Папа как раз начал свой второй или третий Startup. Startup происходит от Start up – Страт вверх! Везде публикуют истории успеха, но папа говорит, что это дорога усыпана «труппами», это как забраться на Эверест.

Труппами, конечно, он фигурально выражается, он имеет ввиду труппы компаний, идей. Ведь статистика жестокая на сто стартапов выживает один, а стреляет один из десяти тысяч. Вот уже две или три его идеи не стартанули. Думаете в этот раз нам повезёт?

Так вот когда работаешь сам на себя, можно жить теоретически почти где угодно. И родители выбрали Колорадо!

Во-первых, они обожают hiking. Хайкаться – это ходить по горным тропинкам. Без скалолазания, просто поход в горы. Оооо! сколько себя помню, они нас таскают с собой. Пока ты малыш, ты едешь в рюкзаке, и это куда ни шло. Потом полпути пешком. А с четырёх лет восхождение полностью совершаешь сам.

Единственное, что нас с братьями объединяет – это ненависть к хайкам! Конечно, вкусно бывает покушать курочку на вершине, и печенья, с конфетками в качестве допинга. Но это очень нудно, а иногда и тяжело, карабкаться вверх, плюс – это целый день в лесу.

Подытожу, где самые высокие горы в США? Колорадо, детка! Денвер на высоте два километра над уровнем моря, а горы ещё выше. Например, гора Эвентс возвышается над морем на пять километров, это почти как базовый лагерь Эвереста. Логику улавливаете?

Ну и, детский хоккей тут развит, школы, мама проверила, неплохие, и штат находится в центре материка: так что оба побережья одинаково близко! Или одинаково далеко, тут зависит как у вас со стаканом, наполненным наполовину.

Мама говорит, что устала от переездов, хочется уже немного осёдлой жизни. Но папа себе на уме, говорит, что мозгу полезно менять среду каждые пять лет, в новой обстановке он лучше работает, продолжает развиваться.

А мама винит во всём папины татарские корни. Видно кровь кочевника не даёт ему осесть в одном месте, так и зовёт его собрать палатку и в степь. Тыгы-дык.

Вот такие у меня родители. Хотя они и немного странные, и не похожи ни на одних нормальных родителей моих друзей, которых у меня из-за частых переездов не так много. Я не люблю хайки и мне трудно приживаться в новых школах, в новых хоккейных командах. Но я им доверяю, я уверен, они делают как лучше для семьи. Стараются для меня и Мишки с Ромкой. Поэтому, если они скажут, что мы скоро опять переезжаем... я их прощу!

Балет

Мы с братьями совершенно разные, хоть и все вокруг говорят, что мы похожи, как куклы-матрёшки, только мальчики. Просто они плохо нас знают.

Мишке семь лет. Он очень любит школу. Это потому, что всегда хочет всё как у меня! Я ходил на хоккей, и ему надо! Я в школу ходил, и он ждал не дождался, когда его возьмут. Наивный такой, радовался бы своему беспечному детству. Наслаждался свободой. А он? В школу! В школу!

Я в первом классе просто ненавидел школу. Мама будила меня по утрам: «Вставай, сыночек! В школу пора!» – «Ненавижу школу!» – протестовал я. «Потерпи чуть-чуть, сынок! Скоро каникулы!» – ласково ворковала мама. «А я так школу ненавижу! Что и каникулы тоже ненавижу!» – ворчал я!

А Мишка всегда радостный в школу идёт. Хотя, что у них там? Легкотня! Ни таблицы умножения, ни деления, ни эссе, ни докладов, только рисуют и играют.

Как-то раз в школе Мишка нарисовал динозавра и раскрасил всеми карандашами, что у него были. «Ого! Какой у тебя разноцветный динозавр получился! – восхитилась учительница. – А я думала, что динозавры обычно зелёные или коричневые, чтобы в лесу или на земле маскироваться удобнее было». Но Мишка не смутился нисколько и говорит ей: «А мой динозавр за радугой прятаться может! Никто его не заметит!» Я это как услышал, так полдня хохотал. Такое только Мишка ляпнуть мог.

Однажды Мишка спросил меня: «Страус летает?» Я фыркнул, как такое не знать: «Не летает, конечно, бегает только!» А Мишка подумал-подумал и с видимыми сомнениями в моем утверждении выпалил: «Но планета наша летает, а страус на планете, значит, страус – летает!» Мама, как это услышала, из соседней комнаты прибежала, Мишку гладит, целует, восхищается, мол: «Ах, какой умный сын растёт, гений, будущий Эйнштейн!»

Мама часто хвалит Мишку: «Ты талант у меня!» Талант. Мне обидно: во-первых, я хочу, чтоб только меня хвалили; во-вторых, почему это Мишка с талантом родился? А у меня какой талант?

Наверное, я умею лучше всех ворчать. Мама говорит, что я, как дедушка старый, ворчу и ворчу, а мне только одиннадцать лет, что же будет в девяносто? А в девяносто я наверняка попаду в «Книгу рекордов Гиннеса – 2097» – как самый ворчливый дедушка в мире!

Когда Ромка родился, я маму сразу спросил: «Что теперь, только маленького любить будете? А нас нет?» Мама растерялась, обняла меня, стала рассказывать истории, как я маленький был, сколько они с папой только с одним мной возились, а братья мои такого внимания и не знали никогда! Я

справедливо заметил, что они и не знают, как это хорошо – быть одним ребёнком в семье, вот им и безразлично. А я привык – теперь страдаю.

Конечно, меня тоже иногда хвалят, когда в школе хорошо учусь или когда на тренировках и играх выкладываюсь. Но всё равно мало! Потому что Мишка и Ромка всегда рядом бегают и родителей отвлекают от очень важного занятия – гордиться и восхищаться старшим сыном.

У меня два увлечения: видеоигры и хоккей. Про видеоигры что писать-то? Тут свои навыки демонстрировать надо. С друзьями есть о чем поговорить, обсудить, у кого какой уровень, или вместе поиграть. Здорово. Уверен, меня каждый современный ребёнок поймёт.

А ещё я в хоккей играю. Нападающий, правое крыло. Родители привели меня на первое занятие, когда мне было четыре года. Мама навсегда запомнила мои огромные крокодильи слёзы, когда я вцепился в бортик и не мог прокатиться ни метра. Она смотрела на других детей и думала: «А вдруг это не его спорт? Вдруг его спорт – шахматы?» Уж до того, видно, вид у меня был несчастный. Это просто я тогда думал: «О! Нет! Только не шахматы!» Просто к новому я всегда с трудом привыкаю, переживаю, нервничаю. Бывают ребята, которые сразу в новой обстановке адаптируются, я не такой, мне очень сложно.

Так вот, с четырёх лет я занимаюсь хоккеем. Хотя первые два года трудно хоккеем назвать, обычно дети учатся кататься. Помню торжественный момент, когда я на первую тренировку с клюшкой пришёл! С клюшкой-то сразу настоящий хоккеист, не фигурист или кёрлер какой-нибудь.

Мишку тоже в хоккей отдали. Везёт ему: коньки и вся форма от меня достаются. Мама как-то пожалела Мишку – мол, у него всё от брата, старое, а

Мишка ей отвечает: «Зато коньки разношенные, удобные, одно удовольствие в них кататься. Я так люблю». И опять мама растаяла. Вот умеет он подлизываться, хитрец!

Но клюшки Мишке всегда новые покупают, потому что мои старые ему не подходят. Я правша, а брат мой – левша. Ромке-то, нашему младшему брату, больше всех повезло: когда пойдёт на хоккей, на обе стороны клюшки есть! Хотя он может захотеть вратарём играть. Ха-ха! Вот родители обрадуются. Сэкономить собирались.

Вот такие мы хоккеисты, сами играем и смотрим игры любимых команд. А мама любит балет, и неудивительно – она хоть и наша мама, но девчонка! И раз в год перед Рождеством таскает нас в театр на балет. А мотивирует она наши вылазки на культурные мероприятия тем, что «будущие мужчины должны всесторонне развиваться: и телесно, и духовно!» Что бы это ни значило.

Хорошо хоть, на балете после каждого периода мы в кафетерий ходим, и это весело. А сами танцульки – скуотища. Однажды прыгала толпа балерин в белых пышных платьях, и вдруг из-за кулисы выскакивает парень. Причём он явно на хоккей переодевался, не успел ни щитки, ни шорты надеть, так в нательном белье, в трико с ракушкой и выскочил! Прыгает, руками машет, мол, заблудился я, как на каток пройти? А балерины окружили его и вращаются, прыгают, мельтешат-мельтешат. Голова кругом. Попался парень – каждая теперь с ним покружиться хочет. Разбежались, а парень упал и лежит без чувств. Закружили беднягу.

Я вам так скажу, этим девчонкам всегда принцы нужны, а желающих нет. Пропал нерадивый хоккеист, ещё и в одном трико! Какой ужас!

Трагедия, а не балет. Чуть слезу не пустил. Мама прониклась, как я глубоко прочувствовал силу искусства, купила пирожное после спектакля.

Так что, друзья, балет не так уж и плох. И вкусно, и духовно развивает, главное, из раздевалки без щитков и шорт не выходить, а то балерины закружат.

Сюрприз

Когда мне было семь лет, я играл за хоккейный клуб Black stars. У меня в команде был задиристый мальчишка, мы с ним всегда толкались на льду. Однажды после тренировки я не выдержал и пожаловался маме: «Достал меня этот мальчик! Всё время лезет драться!» Мама помрачнела, с трудом сдерживая инстинкт медведицы, когда зверь готов наброситься и разорвать любого, кто обидел её детёныша. Она глубоко вдохнула, выдохнула и спокойно спросила: «Что за мальчик? Как зовут?» – «Люси!» – ответил я. Тут мамины глаза стали как два блюдца, я начал вспоминать сказку «Огниво», а мама переспросила: «Люси? Ты уверен, что это мальчик? Это женское имя! Люси – это девочка!» Конечно, в хоккейной форме трудно узнать пол ребёнка. Но по всем внешним признакам: шнурки не розовые, клюшка перемотана не розовой лентой, и даже шлем без блёсток – Люси мальчик! Но мама настаивала, чтобы я перестал драться с Люси, тем более это девочка.

Я сначала маме не поверил, но, когда мы переодевались, я увидел, что у Люси розовые носки и значок на толстовке – «Девчонки крутые».

Какой сюрприз. Самый классный пацан в моей команде, с которым можно было хорошенько потолкаться, оказался девчонкой.

Музыка

А вот с музыкой у меня туго. Я как-то учился играть на скрипке (у нас в школе с пятого класса на уроке музыки обязательно нужно выбрать инструмент), родители даже хорошую скрипку арендовали на весь учебный год в музыкальном магазинчике, и вроде, неплохо получалось, а как смычком научился по струнам водить, так даже музыку сочинял немного. Правда, на репетиции меня не хватало, утомительно нудное занятие.

Вот я подошёл к маме со скрипкой в одной руке и листом с ручкой в другой и таким спокойным голосом сказал: «Распишись, пожалуйста». Она пристально посмотрела сначала на листок, потом на меня и спрашивает: «Я что? Должна подтвердить, что ты сто минут в неделю репетировал? Ты же только три минуты попиликал?» – «Ну, не три! – возмутился я. – Пять точно! Я засекал, подошёл к часам на кухне, посмотрел, порепетировал, пришёл опять время проверил. Пять», – разъяснил я маме. «Ты туда-сюда ходил минуты три из этих пяти!» – оппонировала она.

Посмотрела на меня, как рентген, и спрашивает: «Что? У тебя к музыке душа совсем не лежит?» Я голову опустил и так виновато, чтоб маму не сильно разочаровывать, ответил: «Не то чтобы совсем, но совсем! Мне кажется, я не музыкант! И даже не хочу пробовать». Мама очень тяжело вздохнула. «Ох, и слава богу! – выдохнула она, а потом одним росчерком подписала листок и добавила: – Если ты будешь репетировать, когда меня дома нет, я возражать не буду, просто распишусь, где скажешь!» И подмигнула мне по-хулигански, я даже удивился.

Когда мама ходила в детский сад, она прошла прослушивание, и её приглашали в музыкальную школу, только бабушке с дедушкой некогда было её на занятия возить, у них тогда и машины не было, и работы много с утра до вечера. А уже в первом классе мама после уроков ходила учиться игре на фортепьяно к одной очень образованной женщине, которая жила в соседнем доме. Пришла мама на первое занятие, села на стульчик перед пианино, Белла Харитоновна протяжно-певучим голосом её спрашивает: «Танечка, а ты ручки мыла?» – «А мы кушать будем?» – обрадовалась маленькая мама. «Нет, что ты, – удивлённо ответила учительница, – к инструменту надо всегда подходить с чистыми руками!» Мама это до сих пор помнит и нам повторяет, хотя мы ни с чистыми, ни с грязными руками к инструментам не подходим.

А ещё мама рассказывала, что в конце двадцатого века жили они с бабушкой, дедушкой и маленькой тётёй Леной в крошечной квартирке, в одной малюсенькой комнате, вся мебель у них была складная: диван-кровать, стол-книжка, – там для фортепьяно места совсем не было. Мама с бабушкой нарисовали четыре октавы на бумаге, чтобы мама могла разучивать гаммы, она беззвучно стучала пальцами по нарисованным клавишам, разложенным на столе. Вот я и думаю, слух её музыкальный не выдержал и закопался. Такое обучение не всякий талант выдержит.

«У тебя же скрипка есть – играй не хочу. А ты? – однажды упрекнула меня мама. – Если б у меня в детстве пианино было, я бы смогла сыграть тебе что-нибудь красивое. А вот теперь слушай, как я пальцами по столу стучу!» Тук! Тук-тук-тук. Тук-тук-тук. Тук. Тук-тук.

Коллекция

Однажды мама заказала через интернет почтовые марки. Их прислали штук пятьсот. Некоторые были новенькие, а некоторые с печатями, значит, кто-то их кому-то посылал, а потом с письма или открытки марки аккуратно отклеили и продали нам.

Почтовые марки были из разных стран и очень древние! Некоторым было, как маме, тридцать пять лет. Ужас! Хотя марки, как и мама, весьма неплохо сохранилась, видимо, бережно их хранили.

Мама радовалась больше, чем я. Подолгу разглядывала, аккуратно клеивала их в альбом, покрывала плёнкой. А потом она рассказала, что, когда ей было восемь лет, они со своей сестрёнкой Леной тоже коллекционировали марки. Клеили в обычную школьную тетрадь в линейку. Мама хвасталась, что в их коллекции даже были марки с героями популярных советских мультиков: с Чебурашкой, Крокодилом Геной, Волком из «Ну, погоди!».

Бабуля тетрадку с марками убирала высоко на полку, чтобы мама с тётёй Леной не потеряли ни одного экспоната коллекции. И, похоже, у них это семейное. Понятно теперь, от кого она эту привычку переняла – забирать наши вещи «на хранение», чтобы, видите ли, не потеряли.

Так вот, маме с тётёй Леной очень захотелось марки свои посмотреть. И я их понимаю, у меня тоже такие желания случайно появляются. Маленькая мама забралась на диван, с дивана на тумбочку, на которой телевизор стоял, оставался последний шаг – забраться на телевизор и дотянуться до полки на стене.

Опять тут поправка, хотел объяснить вам, людям нового поколения, что это за телевизор был. Жесть! Я его у бабули на даче видел! Это тяжеленная,

огромная коробка с выпуклым серым стеклянным экраном. Не понимаю, как в нём можно было хоть что-то рассмотреть. Я спросил деда Толю: «Зачем вы эту рухлядь храните?! Он же даже не работает!» А дед утверждал: «На даче пойдёт! Я его чиню – он работает маленько!»

Но меня не проведёшь. Они с бабулей точно его продать хотят как антиквариат в музей или через интернет на аукционе за много-много миллионов! Это ж даже Мишке понятно. Работает он! Ну-ну! Он уже тогда не работал, когда мама на него лезла за марками. Хоть и новый был.

Так вот, маленькая мама залезла на телевизор, потянулась за тетрадкой, хватить её пальчиками! А телевизор – говорил же, ни на что не годится – ка-а-ак упадёт: с тумбочки на диван, с дивана – кувырок – на пол! Вот грохоту-то было! А мама так и осталась висеть на полке. Ловкая она у меня.

«Ой, мне в туалет надо!» – сообщила тётя Лена и прошмыгнула в ванную. А тут дед с бабушкой прибегают! Мама спрыгнуть успела, стоит с тетрадкой на тумбочке – сама вместо телевизора. И вещает дикторским голосом: «Добрый вечер, в эфире новости! Сегодня в квартире 252 на улице Аделя Кутуя города Казани упал с тумбочки телевизор. К счастью, никто не пострадал».

«О! Нашу Танечку в прямом эфире показывают!» – удивился дед. Но бабуля сразу подмену заметила, потому что у телевизоров того времени обычно антенны вверх торчали, а у мамы – хвостики вниз. Ругали маму, конечно, в угол поставили! Марки забрали. Тёте Лене тоже нотаций досталось, правда, чуть-чуть совсем – когда она из укрытия вылезла, буря-то утихла! Тем более дед в розетку воткнул телек, а он – хоп! – и заработал! Но маму так и не поблагодарили, что телевизор починила! Где справедливость?

Вот с тех пор мама на полки не лазает и нам категорически запрещает.

Хоккейный лагерь

Я очень люблю обнимать свою маму. Она мягкая, тёплая, и от неё всегда вкусно пахнет: котлетками или супом с лапшой. Но вы не подумайте, я её и сытый люблю обнимать. Только делаю это исключительно дома, в школе и на улице – нельзя! Вдруг кто-то увидит, подумает, что я малыш какой-нибудь, маму обнимаю.

Видели бы вы мою маму, когда из сотни детей моей школы она узнает в толпе меня. Её лицо напоминает тающего снеговика, расплывается так же, рот растягивается в грустную улыбку, глаза на мокром месте. Того и гляди: бросится обнимать-целовать. Я ей издали уже машу рукой. И делаю строгое лицо, я взрослый мужчина одиннадцати лет. Нет! И не думай! Обниматься в школе нельзя! Мама вроде понимающая попалась, терпит. Но кто знает этих мам, с ними всегда надо быть настороже. Расчувствуются и обнимать! Так и опозориться недолго.

Моя мама меня любит, хоть иногда она совершает откровенно неадекватные поступки. Вот, например, отправила нас с Мишкой в русский хоккейный лагерь на Урал. Я теперь понимаю, почему в России всех разбойников и политических в Сибирь отправляли. (Мы, кстати, немного до Сибири не доехали.)

Когда прислали список вещей, которые надо взять в хоккейный лагерь, я очень насторожился. Потому что кроме хоккейной формы и клюшек там ещё были боксёрские перчатки и скакалка. Что такое скакалка, я тогда не знал, но

понял, что с ней надо скакать! А вот зачем нужны боксёрские перчатки, я прекрасно понимал. В голове я ясно представлял себе картину суровых сибирских хоккеистов, сбрасывающих хоккейные перчатки на лёд и крепкими кулаками мутузящих моё чахлое русско-американское тело. Когда я делился с мамой своими опасениями, она виновато улыбалась и говорила, что это нормально – переживать, но всё будет хорошо! Мы познакомимся с новыми друзьями, будем играть в хоккей десять дней с утра до вечера. Это же здорово! Угу.

Мы поехали в Екатеринбург поездом. Во-первых, мама не любит внутренние авиалинии России, переживает, что у них самолеты старые. Во-вторых, хотела малышей покатасть на поезде, где мы в Америке такое развлечение увидим.

И это правда было очень здорово! Мы заняли полное купе: мама, я, Мишка и Ромка. В поезде пахло металлом, пылью, рельсами и приключениями. Два хоккейных баула и огромная сумка, вещей в ней было не так много, большую её часть занимали Ромкины подгузники, горшок и сидущка на унитаз для Мишки. Ромке хоть и было два года, взаимоотношения с горшком у него не складывались, так и норовил, пока все заняты, сделать дела в штаны, и даже когда запах выдаёт его грязные делишки, он мотает головой и говорит: «Нет».

Мама решила не пытаться судьбу и взяла в дорогу упаковку подгузников, тем более, как оказалось, туалеты в поезде не работают на станциях. Вы не поверите! Потому что когда нажимаешь педаль для смыва, открывается задвижка и всё содержимое вываливается прямо на рельсы. Фантастика. Мы про такое читали в музее паровозов в Сакраменто, но в Америке такие

туалеты перестали использовать в тридцатых годах прошлого века. А тут мы не только их увидели, мы ими пользовались! И это было весело, экстрима добавляло и то, что делать свои дела приходилось при покачивании вагона.

В купе мы с Мишкой забрались на верхние полки, играли, хихикали, смотрели на маму с Ромкой сверху. Ромка хныкал и просился к нам наверх, но мама ему не разрешала, боялась, что упадёт.

А потом началась игра. С шумом открывалась дверь в купе, и разные люди предлагали нам журналы, газеты, книжки, игрушки, платки, валенки, конфеты и чипсы. Мы с Мишкой с нетерпением ждали следующего продавца, гадая, что же нам предложат на этот раз.

Но интереснее всего было спать в поезде под стук колёс и ходить за кипятком в начало вагона. Еще в поезде можно кушать макароны из стакана и юбилейное печенье. Вкуснотища.

Добрались мы до Екатеринбурга, доехали до спортивной базы, которая была минутах в сорока от города, заселились в номер. Мама зарегистрировалась, взяла майки, ну всё, думаю, завтра нам с Мишкой – хана, капут, зэ энд или просто конец!

Я ростом очень маленький, и мне повезло – попал в группу с ребятами помладше, а там очень даже достойно смотрелся. Хотя умирал после каждой тренировки. Ноги отваливались, спина ныла, пот ручьями стекал из-под шлема. Знаете, почему русские хоккеисты самые крутые? Потому что после льда мы сразу бежали километра три по лесу, перепрыгивая через ветки и крапиву. Крапиву, ребята! Знаете, как она жётся!

А мама радовалась, как круто и быстро я технику катания подтянул! В Штатах бы это год заняло, не меньше, тренировок и частных занятий! Вот

какая методика эффективная! Ага. Подтянул-то я подтянул, но какой ценой? Еле выжил, так трудно было.

Мама говорила: «Я хороший лагерь выбрала, специально искала, тренеры молодые, хорошие, с современным подходом, тут тебя не только русскому мату научат, но и хоккею». Когда я узнал, что такое мат, я обрадовался, но ему в лагере так и не научили, зато техники катания и упражнений с клюшкой было много!

Так вот, система: тренер объясняет и показывает упражнение один раз всей группе, если дошла твоя очередь и ты неправильно выполняешь, тренер подъезжает к тебе, останавливает и показывает второй раз! И если ты и после этого ошибся, то... тренер командует: «ПОЛЗИ!» И непонятливому хоккеисту надо проползти на четвереньках через весь каток вдоль бортика. Это очень трудно! Я не пробовал, потому что всегда выполнял всё правильно, максимум со второго раза.

Я ещё держался, а вот Мишке было совсем туго. Он был самый младший в своей группе, да и кататься только научился, еле-еле упражнения выполнял, всегда медленнее всех, много падал, а потом стоял в сторонке, сам тренировался, мама на него смотрела, а глаза на мокром месте. «Вот умничка, вот спортсмен!» – повторяла она.

Но всё равно Мишка как-то не выдержал и расплакался. Трудно ему было, не получалось, и ребята вокруг чуть постарше, сильнее, да и в России самые юные хоккеисты к адским нагрузкам привыкли, это в Америке всё fun! В русском лагере Мишке fun-ом и не пахло! Конечно, Мишке обидно. Мама подбежала, обняла его, целует в шлем, сама чуть не плачет и нахваливает его: «Мишенька мой, сладенький! Умничка мой! Хоккеистик! Устал? Да, не

получается, но ты молодец, стараешься, значит, рано или поздно у тебя всё получится! Получится, зайчик! Ты у меня сильный. Я горжусь тобой!»

Мишка шмыгнул и побрёл понурый в раздевалку: «Пошли скорее, мам, на «землю» переодеваться надо!»

Вечером Мишка заявил: «Мама, меня тренер похвалил!» – «Да ты что! Вот это да! И что он сказал?» – «Он сказал: «Вот посмотрите, как хорошо Миша ест!» – «Так это в столовой было? – мама попыталась скрыть лёгкое разочарование. – Кто как работает, тот так и ест! Ты старался, трудился на тренировке, вот и аппетит хороший!» – поддержала она Мишу.

Ели юные спортсмены отдельно от родителей, по расписанию: завтрак, обед, полдник, ужин. Те, кто засиживался дольше всех, должны были тарелки убирать за всеми. Эх, не повезло китайцам. Для них русская еда – вообще дело непривычное. А вот у меня, в отличие от Мишки, в столовой не было таких головокружительных успехов. Я же не виноват, что родился гурманом! Если лучок крупно порезали, не могу это блюдо принимать в пищу. Я лук могу учуять, даже если мама его через тёрку протёрла в котлеты. Мама сердится: «Я на звёзды Мишлен не претендую, нечего тут экспертизы проводить! Ешь!»

Ребята страдали на завтраке, а я каши люблю! Но вот салаты с помидорами, оливье или грибы! Это трагедия. Хорошо, что за десять дней всего один раз грибы были. А русские дети ели, уплетали просто, вкусно им.

Ещё мы с Мишкой заценили столовский борщ. Когда я рассказал об этом маме, она так воодушевилась: «Что за борщ, подробнее расскажи, я тоже буду такой делать, чтобы вы ели. А то к моему не притрагиваетесь!» Мы с Мишкой стали вспоминать: «Борщ как борщ, бордовый, просто в нём ничего

не плавало: ни лука, ни капусты – только вода!» Мама долго смеялась, наверное, радовалась так, что мы, наконец, борщ едим.

В лагере я подружился с Дамиром из Череповца, Ростиком из Магнитогорска, Максом из Саратова и Давидом из Москвы. Каждый вечер мы выбегали на улицу и играли вместе до отбоя. Они очень круто играют в хоккей и классные ребята.

В целом, в хоккейном лагере было очень весело, нам с Мишкой понравилось.

Первое сентября

В России дети идут в первый класс в семь лет. Каждого первого сентября школы заполняют весёлые шумные первоклассники. И если в Америке в элементарной школе (до шестого класса) учиться одно развлечение, то у русских детей детство заканчивается в этот роковой день.

Детей готовят к школе, как на праздник: наряжают, покупают новенький портфель, букет для учителя, школа вся украшена шариками и цветами, пахнет свежей краской, мелом, хлоркой и знаниями. Но уже второго сентября каждый семилетка понимает, что попал в колонию строгого режима, где, не поднимая головы, он должен грызть гранит науки еще десять лет.

Вот почему мои русские родители, мягко говоря, недоумевали, видя мою обычную американскую школу. Первые годы у нас не было учебников, почти не было домашней работы, никаких дневников для двоек, мы пели песни и часто устраивали праздники, одним словом, никакого стресса. А если ты вдруг увидел ребёнка с цветами в первый день школы, он точно русский! Я

сам так ходил первые три года, потом строго сказал маме, что не понесу цветы, никто не носит. Она вздохнула и спросила: «Но ты хоть понимаешь, что это праздник?» Я догадался, что надо кивнуть.

Моя бабушка – учительница начальных классов, поэтому маму первого сентября в школу повёл дедушка. Это было пасмурное сентябрьское утро 1990 года, накануне был сильный ливень, во дворах и на дорогах красовались огромные лужи. Воздух был тёплый и влажный, со спелыми нотками золотой осени.

Мама засветло встала, надела советскую школьную форму шоколадно-коричневого цвета с белыми манжетами и кружевным воротничком, аккуратно пришитым бабушкой накануне. Белые гольфы и новенькие красные сандалики с железными пряжками по бокам, с тяжёлой негнущейся подошвой, ещё пахнувшие кожей и резиной. За спиной новый ранец с широкой застёжкой, защелкивающейся с приятным звуком, в руках – пышный букет свежих астр с дачи. Праздничный вид дополнял белоснежный волшебно красивый гипюровый фартук, а завершающей деталью внешнего вида первоклассницы, безусловно, были банты. Широкие капроновые ленты – гордость каждой советской девочки. Бабушка завязывала их в огромные банты с двух сторон, так что мамина тень напоминала тень чебурашки.

Мама выстояла торжественную линейку, просидела за партой свой первый урок, гордо выгнув спину, рука на руке, всё как учили – настоящая отличница.

И вот первый учебный день закончился, прозвенел звонок, счастливая маленькая мама аккуратно сложила подписанные бабушкиным каллиграфическим почерком тетради в гладких новеньких полиэтиленовых

обложках. Положила шариковую ручку, карандаш и ластик в пенал и его, наслаждаясь процессом, тоже положила в ранец. Громко защёлкнулась блестящая застёжка на ранце, и мама расплылась в улыбке. Подпрыгивая на каждой ступеньке, раскачивая мешком со второй обувью, вышла она из школы.

Дедушка тогда не был дедушкой, он был молодой и красивый, с иссиня-чёрными волосами, круглыми карими глазами, с загоревшими, как у всех шофёров, руками и шеей. Он стоял счастливый, встречал своего первенца, такую взрослую и нарядную.

Дедушка Толя часто ездил в командировки и всегда много работал, для маленькой мамы был неописуемым счастьем лишь тот факт, что дедушка сам проводил и забрал её из школы.

И вот они, аккуратно обходя лужи, подошли к дороге. Первоклассница увлечённо без умолку рассказывала дедушке про учительницу, про одноклассников, так что не сразу увидела, что впереди прямо перед ними растеклась глубокая лужа цвета школьной формы. Там была не просто вода, а залежи добротной густой грязи.

Маленькая мама и дедушка попытались обойти лужу, когда старенький уазик, выскочив из-за поворота на большой скорости, пронёсся мимо них. Настоящее цунами липкой грязи забрызгало нарядную первоклассницу и её папу.

Маминому горю не было конца и края, она горько рыдала, вытирая слёзы и грязевые брызги со своего ангельского личика. Дедушка не знал, как утешить дочь, и тогда он засмеялся. «Ты только посмотри, какие мы чумадые! Посмотри на моё лицо!» – сказал он. Плачущая девочка посмотрела на своего

папу, его натёртые до блеска ботинки, отглаженные со стрелками брюки, новый пиджак, привезённый из Москвы, красивое лицо и густые блестящие волосы – всё было в тёмно-бурых пятнах грязи. И тогда мама тоже засмеялась.

Мама часто нам повторяет: «Даже если тебя облили грязью с головы до пят, смейся над неприятностями, и тогда ничто не сможет испортить твой праздник».

Middle School

В этом году я пошёл в среднюю школу. И это серьёзное испытание, особенно для таких коротышек, как я.

Во-первых, я самый младший в своей параллели, и так будет всегда, потому что отсечка, по которой делят детей на классы, это первое сентября. А я родился тридцать первого августа и стал самым младшим из всех учеников моего года. Если б я день с рождением подождал, то пошёл бы в школу на следующий год, и там бы я был самым старшим.

Во-вторых, я ещё и ростом маленький. Просто у моего организма уникальная особенность: он все силы тратит на воспитание мозга, а тело в развитии запаздывает. В средней школе некоторые мальчики, даже сидя на низеньком стульчике, выше меня. А если встанут, я им в пупок дышу. Но и это не самое страшное.

Дело в том, что я новенький – мы только переехали семьёй в новый город. И тут нет никого, кого бы я знал.

Всё зло в средней школе из-за девочек. Именно они ходят и решают, что cool, а что gross, а нам, мужчинам, приходится стараться: ведь если нравишься девочкам, ты популярный, если нет, ты становишься объектом для насмешек.

Так и получается, что вся жизнь в средней школе – это как видеоигра «Фортнайт». Оплошал – game over, поэтому я концентрируюсь не на том, чтобы быть крутым, а на том, чтобы не опозориться.

Не знаю, что происходит с девочками в средней школе. В элементарной школе с ними можно было дружить, я шутил и хорошо учился, и у меня было много подружек. А теперь ты здороваешься с девочкой: «Hello!» А она тебе: «I already have a boyfriend!» Это mean! Ребята! Как по-русски? Грубость? Наглость? Хамство? Я же просто поздоровался.

Когда я учился в третьем классе, мы часто ездили в школу вместе с Лизой. Лиза была моей одноклассницей, её родители приехали в Штаты из Украины, она тоже говорила по-русски. Наши мамы были подружками и возили нас в школу по очереди.

Лиза очень крутая. Не потому, что у неё длинные светлые волосы, большие голубые глаза, она спортсменка – занимается художественной гимнастикой, ездит на национальные соревнования по штатам и выигрывает призовые места. А потому, что она быстро бежит – самая быстрая девочка на физкультуре, я еле-еле её обогнал, она очень хорошо решает задачи по математике, а для девочек в нашем классе это вообще редкость. Но самое главное, Лиза круто играет в видеоигры, и не девчачьи, а такие, как мальчишки любят. Наверное, потому, что у неё есть старший брат, он научил. Словом, Лиза классная.

Я очень любил, когда Лиза приходила к нам в гости после школы. Мы делали уроки и играли в хоккей. Я тогда был молод и наивен, верил в дружбу между мальчиками и девочками. Но в школе я убегал от Лизы. Потому что многие мои друзья были в неё влюблены и, как мама объясняла, от зависти дразнили меня. Ребята из школы часто спрашивали: «Is Liza your girlfriend?» Мне было очень стыдно, приходилось врать, а когда мы вместе приезжали в школу, я специально обегал парковку с другой стороны, чтобы никто не заметил нас вместе. Мама просила так не делать, но что она понимает в be cool?

Жаль, что мы переехали и никто в моей новой средней школе не видел мою подругу Лизу! Она бы рассказала этим вредным девчонкам, какой я классный. Перестали бы подтрунивать: «Ой, какой коротышка!»

Так как только девочки знают, кто крутой, а кто отстой, мальчишки изо всех сил хохлятся, стараются выглядеть cool. Чаще всего из-за отсутствия мозгов – я выражаюсь фигурально – хотя рентген никто им не делал, может, и правда. Крупные ребята в этом возрасте пытаются самоутвердиться за счёт других. Я сейчас не плавно подвожу к теме bullying. Это не травля детьми одного «странного» ребёнка. Это такие одиночные эпизоды, когда задира при публике выбирает заведомо слабого (ну, или ему так кажется), чтобы выглядеть круче на его фоне. Вся система в школе устроена так, что позволить они себе это могут либо на физкультуре, либо во время ланча. На ланче эти «популярные» мальчики двенадцати лет, ростом выше мамы, просто проходят по столовой мимо столов и забирают печенье или сок у остальных. Я не считаю это круто, а дети, которые так думают, наверное, не отличаются интеллектом.

Во многих американских школах на сайтах принимают анонимные рапорты о случаях буллинга, это решает много проблем.

В средней школе всю параллель не делят на классы, как в начальной. Мама сказала, наша система больше напоминает университетскую в России. Когда у каждого ученика своё расписание, свои предметы и курсы, обязательные и по выбору, так получается, что на каждом уроке ты учишься с разными детьми.

А я хоть и ростом маленький, но гораздо сильнее всех своих ровесников в точных науках. Большинство детей в моей школе боятся математику, наверное, поэтому на Хэлловин мой костюм учебника по геометрии выиграл конкурс самого страшного костюма. А я сдал тесты и перепрыгнул программы математики за шестой, седьмой и восьмой классы и теперь занимаюсь по курсу старшей школы «Алгебра 1».

Когда директор нашей школы объявила результат и поздравила меня, я испугался, думал, а вдруг на уроках математики я буду заниматься только с восьмиклассниками. Но она сказала, что очень гордится тем, что в нашей школе три шестиклассника с такими выдающимися успехами в математике. Я с нетерпением ждал первого занятия, чтобы познакомиться с этими вундеркиндами. А когда я их увидел – кто бы сомневался – это был индус и китаец. Русские, индусы и китайцы чаще всего занимаются математикой дополнительно.

Ну, и стоит ли упоминать, что уж и по всем остальным предметам у меня нет проблем, хоть я и посещаю программы шестого класса, но сдаю почти все тексты на четвёрки. А это в Штатах максимальный бал.

Я быстро сообразил, что умных не очень любят, и не афишировал свои успехи в учёбе. Хорошо, что преимущество в интеллекте не так заметно, как в росте.

В связи с такой обстановкой в средней школе я сразу понял, что мне нужен телохранитель. И я его нашёл. Рони – один из самых высоких мальчиков среди шестиклассников, у него six pack (сам не видел, но девочки на перемене обсуждали так громко, услышал), по математике он на курсе шестого класса, а там тоже одни девчонки, почти все мальчики уже в седьмом, зато он занимается американским футболом и очень популярный.

Поначалу наша дружба не заладилась, он толкнул меня на мусорный бак, я облил его водой, мы часто вступали в словесную потасовку. Я, конечно, боялся его, потому что он очень сильный, для него я как пушинка, он легко мог поднять меня и подбросить на пару метров, а по умственному развитию он слегка опережал моего младшего брата Ромку (ему только четыре исполнилось), а значит, мог вести себя неадекватно, то есть не предвидя негативных последствий своих действий. Тогда я решил его приручить: угостил конфеткой, потом помог с домашней работой по математике. Мы договорились быть nice to each other и потихоньку подружились. А когда я помог нашей команде выиграть игру в американском футболе на физкультуре, он угостил меня шоколадным кексом. И теперь никто и не подумает обидеть меня – друга Рони.

Как я помог выиграть? Мы с Рони были в одной команде, мяч перехватил противник – и хоть Рони очень большой, он медленно бежит – и тогда я ему сказал: «Бросай меня!» Рони, недолго думая, – схватил меня и запустил в убегающего с мячом соперника, уже через секунду на огромной

скорости я свалил на землю опешившего от нашего манёвра главного нападающего. Это был решающий момент игры, мы победили. Ура!

В средней школе есть и другие способы произвести впечатление на девочек. Как-то Кaleb пришёл в школу в шапке красноармейца с огромной коммунистической звездой на лбу, ходил по школе, не снимая головного убора, и со всеми разговаривал на английском с русским акцентом. А эм рашен. Хау а ю! Но я-то знал, никакой он не русский.

Я когда бегал по улице в советской пилотке времён Великой Отечественной войны и стрелял в соседей из Nerf gun (автомата с пластиковыми пулями), мама выскочила на крыльцо с криками: «Артём, сними пилотку! Соседей распугаешь, кто знает, что им в новостях рассказывают». Ну, то, что мама крикнула, точно никто не понял, а в пилотке теперь мы по улице ходим лишь девятого мая. И в школу не надеваем.

А Кaleb пришёл, ходит гордой походкой по длинным школьным коридорам, зияет алая звезда на шапке, все оборачиваются, а он им улыбается и здоровается с грубым акцентом: «Хэлоу эврибади!»

Я подошёл к нему в столовке, прижал его и говорю громко на английском: «Ты что, русский? Давай скажи что-нибудь!» – а он только завёл своё эврибади. «Допустим, что русский не знаешь! Но это! Это должен знать каждый русский! – и открутил крышку своего термоса, показал ему гречку с маслом, которую мама мне на ланч положила, спрашиваю: – Как это называется?» – «Зубы дракона!» – предположил друг Калеба Элиот. «Орехи?» – неуверенно сказал Кaleb. «This is buckwheat! – торжествуя, крикнул я на всю столовую. – Grechkha! Kasha! Каждый русский знает гречку, – и я с нескрываемым разочарованием по-русски добавил: – Никакой ты не русский!»

Теперь эврибади в школе знают, что я здесь один-единственный Russian guy, хоть и без звезды! А гречку в моей школе теперь называют русскими орехами.

Но говорить по-русски я пока тут никого не учил. Бена пробовал, но он безнадежен, полгода пытается выговорить «пожалуйста». Мама сказала, может, зря я начал с такого сложного слова, а я подумал: что, «здравствуйте» легче, что ли?

Вот в моей прошлой школе все американские дети с третьего по пятый класс умели говорить: «У тибья балсчайя джёупа!» Эх, я уехал, не успел произношение отработать. Только тссс, ни слова маме, она не разделяет такое радикальное внедрение русской культуры в массы.

Мой друг Травис назвал свою вторую кошку Koshka. И подозревает, что Koshka – коммунист, потому что всегда отбирает еду у первой кошки с американским именем. Я его упокоил и сказал фразу моего деда Толи: «Настоящий коммунист сам останется голодным, но товарища накормит!» Так мы и вычислили, что Koshka – обыкновенный... эгоист.

Самое крутое в средней школе – это жвачка! Если у тебя есть жвачка, это даже круче, чем girlfriend. Когда я маме рассказал об этом, она сразу всё поняла и теперь снабжает меня жвачкой регулярно.

В перерыве на обед в школьной столовой происходит массовый обмен едой. Дети меняются чипсами, крекерами, напитками и конфетами. Мамы редко дают детям сладкое, поэтому оно всегда в цене. Я меняю жвачки на сок, кока-колу или чипсы и всегда остаюсь в выгоде после обменов. Я просто гуру бартера среди шестиклассников, подумываю написать книгу «Как меняться едой в средней школе». Она точно станет бестселлером.

Вот так я пока держусь в этой суровой игре под названием «средняя школа», ещё чуть-чуть, и, надеюсь, перейду на следующий уровень – седьмой класс, а там уже легче.

Телевизор

Я терпеть не могу, когда мама ворчит на меня за то, что я много играю в видеоигры. Я ей пытаюсь объяснить, каково это – быть ребёнком в двадцать первом веке, но, к сожалению, она не всегда меня понимает, она-то росла в прошлом столетии!

Когда мама была маленькой, она очень любила смотреть мультики. А её папа, мой дедушка, не разрешал и всегда повторял: «Что вы прилипли к этому телевизору. Вот я в своём детстве вообще мультики не смотрел! У нас в те времена в деревне ни у кого телевизоров не было!» Мама очень сердилась на деда, она считала себя невиновной в том, что у деда телевизора не было, и мечтала, что, когда она вырастет и у неё будут свои дети, она всегда будет разрешать им мультики смотреть! И что? Передумала!

Вот папа, другое дело, он считает компьютерные игры полезными. Так он и говорит маме: «Ты только представь, мы первое поколение детей, которые выросли на компьютерных играх!» Правда, папа фанат квестов, он, похоже, всё отрочество, не вылезая, просидел за компьютером, щелкая мышкой, выполняя задания бургомистра города. Он даже английский язык выучил, играя, и, кстати, очень этим гордится, называя кольчугу, булаву, копьё, рыцарский шлем и другие очень нужные в современном мире вещи на английском. «Вот раньше игры делали о-го-го! А сейчас не то совсем! Игровая

индустрия катится в пропасть, никто не хочет много думать во время игры. И это печально!» – «Вот-вот! Думать надо!» – кричит мама с кухни.

Мои родители родились в СССР, и, когда им было лет по семь-восемь, Советский Союз распался, и они стали жить в России. Мои родители так и не стали пионерами, они были последними октябрятами в истории страны.

Перед распадом СССР Михаил Сергеевич Горбачёв (лысый такой чувак с родимым пятном на лбу) объявил *перестройку*. В перестройку должны были переделаться с коммунистического курса на капиталистический. Для этого по первому каналу по воскресеньям стали включать американские диснеевские мультфильмы: «Утиные истории» и «Чип и Дейл». Всего по одной серии продолжительностью в двадцать минут, и всего раз в неделю. Как только заканчивались титры, маленькие мама и папа уже с нетерпением ждали следующего выпуска. С ума сойти, мы с Мишкой пересмотрели эти мультики на диске за один день, десять серий подряд. И правда, они прикольные, но я даже представить себе не могу, как можно было ждать целую неделю всего одну серию. Мама так сильно любила эти мультики, что отказалась пойти на демонстрацию в честь Первого Мая.

Демонстрация не имеет никакого отношения к демонам, хотя я тоже так сперва подумал. Демонстрация от слова демонстрировать, показывать. Люди собирались на площади с гвоздѣками и веточками, на которые прикрепляли бумажные цветы, и шли толпой по улицам всего города с плакатами. Шли, себя демонстрировали, радовались, руками размахивали, папы детей сажали на шею, это маленькой маме больше всего нравилось. Когда она возвышалась над рекой из людей и папа казался добрым великаном, а дочка – маленькая фея с цветком в руке – махала всем вокруг, все сразу становились весѣлыми и

счастливыми. Мама очень любила демонстрации. Но их проводили лишь один раз в год – первого мая, в праздник труда. Хотя я не понимаю, почему в день труда все отдыхают, а не работают.

Так вот, когда молодой дедушка позвал маленькую маму на демонстрацию, она, конечно, очень хотела пойти, но это было воскресенье, и по первому каналу должна была выйти новая серия «Утиных историй», и мама осталась дома. «В следующем году пойду!» – сказала она. Представляете, как было обидно маме, когда мультики отменили в честь праздника?! Но хуже всего было в следующем году – распался Советский Союз, и больше никогда не проводили Первомайских демонстраций¹. С тех пор мама всегда нам говорит: «Пока тупишь в телек, пропустишь последнюю демонстрацию в истории страны! Отлепись – и на улицу с транспарантами!»

Восьмое марта

Каждое второе воскресенье мая американцы празднуют День матери. Все поздравляют мам и бабушек. В России День матери отмечают двадцать четвёртого ноября, но ещё в России очень любят праздновать Восьмое Марта – Международный женский день. Я считаю, что это нечестно, почему не празднуют Международный мужской день? Поискал в интернете и узнал, что такой праздник существует, отмечается девятнадцатого ноября, только никто о нём не знает. Потому что мы, мужчины, скромные, а женщины очень умные, любят только, когда их поздравляют. А вы как думаете, почему никто не отмечает День мужчин?

¹ 1 мая 1990 года состоялась последняя официальная Первомайская демонстрация.

Мишка ходил в русский детский сад, там они разучивали стишки, чтобы поздравить мам с Восьмым Марта. Мама пришла его забирать, Людмила Юрьевна просит: «Мишенька, расскажи стишок маме, который мы учили!» Мишка только головой качает – мол, забыл. Тогда она стала ему помогать:

Мама, я тебя люблю,

Что не знаю прямо.

Я большому кораблю

Дам название...

Людмила Юрьевна с застывшей улыбкой на губах замолчала, чтобы Мишка сам закончил стишок.

«ПАПА!» – закричал Мишка. Вот смеху-то было. Я его отчасти понимаю, ведь корабли и машины мы из лего с папой строим, а не с мамой.

Так мы с Мишкой поняли, что женщины любят, когда в их честь называют корабли. Вот и приходится нам маму три раза в год поздравлять – в марте, мае и ноябре. И нам не трудно, ведь мы её очень любим.

Таракан

Однажды мы играли с Мишкой: я таскал его на спине, споткнулся – и мы оба упали. Мишка ударился и завопил на весь дом. В комнату примчались родители.

«Что случилось?» – строго спросил папа.

Я не знал, с чего начать, только виновато хлопал ресницами, а Мишка орал что есть мочи: «Артём меня уронил!» Тут папа покраснелся, начал меня отчитывать, но мама заступилась. «Миша, Артём же тебя не специально

уронил? Вы играли?» – спросила она. Мишка кивнул. Мама пожала плечами, а папа сказал: «Артём, аккуратно надо играть с малышами!»

Я сидел на полу, сам чуть не плакал, мне было жутко обидно, что меня отругали. Мы, конечно, с Мишкой часто мутузимся, но в этот раз я ведь и вправду случайно. Я убежал в свою комнату, залез под кровать и упивался своим горем. Через несколько минут в комнату вошла мама, села на колени, заглянула под кровать, улыбнулась и залезла в мой штаб. Шёпотом она мне рассказала историю из своего детства.

«Я тебя очень понимаю, я ведь тоже старшая сестра. Однажды мы с тётёй Леной искали конфеты. Мы заглянули под сидение углового кухонного дивана, я подняла крышку, там был потайной ящик. И вдруг я увидела таракана, от испуга я завизжала и машинально отпустила крышку. Я терпеть не могу тараканов. Но сделала я это механически и подумать не успела, и уж тем более посмотреть, где находилась рука маленькой тёти Лены. Крышка хлопнула и с силой прищемила пальчик тёти Лены. Палец покраснел и распух, сестрёнка рыдала. Я ей сочувствовала, и, конечно, меня терзало саднящее чувство вины, что это произошло из-за меня.

Вскоре на крики прибежали родители и стали меня обвинять. Как будто я специально это сделала. Конечно, нет!»

Уборка

Ромка ещё маленький, но мама твердит: «Ромка больше всех с уборкой помогает!» А он просто таскается за ней везде и делает всё как она: разбирает посуду, подметает полы, моет столешницу в ванной комнате.

А мы с Мишкой, во-первых, очень заняты. У нас то школа, то тренировки, то домашки много задали. Но иногда мы всё-таки помогаем маме с уборкой по дому. Разбираем наши чистые вещи из стирки по шкафчикам, носки по парам, даже унитаз моем (я как сам научился, сразу Мишку научил, чтобы его заставлять). Но мама такая чистюля, ей всегда мало, хочет, чтобы каждый день вещи лежали на своих местах, на полу ни крошки, кровати заправлены, унитаз блестит.

Я засомневался и спросил маму: «А в детстве ты тоже убираться любила? Или только когда выросла?» Мама улыбнулась и рассказала мне по секрету, как они с тетей Леной мыли полы, когда были маленькими.

«Когда тетя Лена не хотела мыть пол, я набирала полный рот воды, подходила к ней и брызгала. Она рычала, неслась на кухню, брала кружку, наполняла её водой из-под крана и с горящими жадой мести глазами бежала ко мне, чтоб облить.

Но я уже в ванной снова пополняла запас воды, набирала столько, что щёки вот-вот лопнут. Увидев разъярённое лицо сестрёнки, я не могла удержаться и смеялась – вода стекла по моему подбородку на пол. Продолжая смеяться, я старалась убежать на диван, там меня тетя Лена обливать не станет, ведь за мокрую мягкую мебель придется объясняться перед родителями.

Лена бежала за мной, поскользывалась в луже, падала, проливая всю воду. Мы обе хохотали, визжали и снова бежали «заряжать» наши «ружья» жидкими «снарядами». И так до тех пор, пока весь пол не зальём водой. Благо, на полу был линолеум.

Тогда мы брали тазы, тряпки и каждая шла мыть пол на своей территории. Всю квартиру мы делили на территории: у меня был зал и коридор, у тёти Лены – детская и кухня. Вот так весело и убирались дома.

Что застыл, уши развесил, мой пол дальше! И не вздумай лить воду, у нас ламинат, намокнет – махом вздуется. Разоримся менять».

Питомцы

На мой десятый день рождения в подарок я попросил домашнего питомца. Мы с мамой стали обсуждать, какое именно животное. Дело в том, что мы живём в съёмном доме и по контракту не можем заводить ни кошек, ни собак. Да и ездим мы часто – то соревнования, то в Россию на всё лето, некому будет за таким крупным зверем приглядеть. Да и собак я недолюбиваю – они слюнявые и зубастые. Кошки царапаются, и Ромка считает, что все кошки красятся на Хэллоуин в чёрный. Он их, откровенно говоря, побаивается.

Тогда мы стали думать дальше: рыбки? Кто будет аквариум чистить?

Кролик? У мамы аллергия. Вдруг у кого-то из нас тоже.

Птички? Нет, папа любит тишину, ему и наших криков хватает.

Хомяки? Нет, оба родителя сошлись в одном – они очень быстро умирают. А когда у тебя умер питомец, детям это трудно пережить.

Змею? Мы посмотрели, как кормить питонов дохлыми замороженными мышками, и передумали. Хотя поняли, что питаем симпатии к рептилиям.

Лягушек или ящериц? Нет, они все из амазонских тропиков, в их террариуме необходимо поддерживать высокую влажность. В наших краях

очень сухой воздух. Влажность тридцать-сорок процентов, а тропическим земноводным надо поддерживать влажность выше шестидесяти.

И тогда я предложил завести Russian tortoise. По-английски они называются русскими, потому что в 1968 году на борту советского аппарата «Зонд-5» находились две черепашки, которые вернулись живыми из этого опасного путешествия.

Но на самом деле, они Среднеазиатские сухопутные черепахи. Они невероятно милые. И мы решили завести такую черепашку.

Прямо в мой день рождения мы поехали в зоомагазин, и я выбрал Мэтью. Он был самым маленьким среди своих братьев и сестёр. Ему было около года, а значит, пока невозможно наверняка установить пол. Надо подождать пару лет. Я решил назвать его Мэтью, по-русски Матюша. Если окажется девочкой, будем звать Маша.

Матюша – милейшее существо на земле. Черепахи – лучшие питомцы на свете. И они оказались очень умными и способными. Мишка даже хотел его дрессировать и показывать номера в цирке.

Наш Матюша травоядный, мама иногда делает себе салат, а мы интересуемся: «Ты это себе приготовила или Матюше?» Она лишь глаза закатывает и говорит: «Между прочим, зелень и овощи очень полезны, это даже черепахи понимают! Брали бы пример!»

Вот так живёт у нас Матюша уже полтора года, существенно подрос за это время. Любит купаться, бегает летом по заднему дворику в траве, откликается на своё имя.

А когда мама была маленькой, она мечтала о собаке. У её подружки Даши была красивая рыжая мордастая боксёрша Грета. И вот однажды

приезжает Даша к маме с корзинкой щенков. Тут у мамы сердце на куски, так щенка захотелось. Она бросилась к бабушке со слезами, но та ни в какую. Говорит: «Никаких собак! Это ты сейчас просишь, а через неделю кормить и убирать и по утрам гулять мне придётся! Нет! Тема закрыта».

Тогда маленькая мама придумала план, оставила одного щенка дома, а с остальными они с тётей Дашей поехали на птичий рынок, щенков продавать.

Щенки у Греты хоть и без родословной, но породистые, красивые, их махом разобрали. Уже через несколько часов девочки вернулись домой, Даша скрутила резинкой пачку купюр. Мама очень волновалась, ей до невозможности хотелось, чтобы бабушка передумала и согласилась взять щенка.

Осторожно маленькая мама открыла дверь, внимательно прислушиваясь к звукам квартиры, и услышала тихое попискивание щенка и бабушкин голос, она что-то объясняла собаке.

«Можно? Его оставить?» – осторожно спросила мама, еле выдавливая слова, которые не хотели выходить от страха получить отказ.

«Иди сюда», – позвала молодая бабушка маму на кухню. Бабушка распахнула дверь, и между экскрементов и луж – щенок постоянно срыгивал и писал – он лежал на круглом розовом пузике, размахивая хвостиком и скребя крошечными ноготками по линолеуму, попискивал и тихо скулил.

«Посмотри, что тебя ждёт. Будешь убирать?» – попыталась не улыбнуться бабушка.

«Да! – закричала мама. – Спасибо, мамочка!» Бросилась к щенку, взяла его на руки, стала гладить и целовать. Он был тёплый и гладкий, лёгкий запах

псины щекотал нос, это было настоящее счастье. Живая собака! Сбылась мечта. Один из самых лучших моментов в маминой жизни.

«Сто рублей! – сказала тётя Даша. – За щеночка вам, как своим, сто! На базаре мы за пятьсот отдавали!»

«Даш, я же с тобой стояла четыре часа на рынке и рубля не взяла!» – удивилась мама.

«Я не себе! Это так надо, чтоб щенок не болел», – пояснила маленькая тётя Даша.

Бабушка, шлёпая тапками, пошла за кошельком. Маленькая мама укутала щенка в махровое полотенце и принялась за уборку.

В больнице

Когда мне был годик, я попал в госпиталь, но лежал там только пару дней и, если честно, даже не помню об этом. А вот моя мама, когда была маленькой, болела очень часто.

Маме было семь лет, она училась в первом классе, в новогоднюю ночь у неё поднялась очень высокая температура, извела тошнота. Родители позвонили по телефону 03 из автомата у соседнего подъезда, и под звуки открывающихся бутылок шампанского и бой курантов маленькую маму увозили в машине скорой помощи в больницу с подозрением на желтуху.

Мама встречала первый час нового 1991 года в приёмном покое детского отделения городской больницы скорой медицинской помощи номер два. Там ей выдали больничную одежду: пижаму, майку и трусики. И тут оказалось, что трусы мальчиковые – семейки. Трусы-шорты пёстрой

цветочной расцветки. Маленькая больная мама быстро переделась, надела поскорее пижамные штаны, чтобы никто не видел её в семейках. Надеюсь, что это недоразумение и завтра ей выдадут девичьи или вернут свои, покорно пошла вдоль длинного коридора здания сталинских времен с неудобными высокими потолками и обтёртым паркетом – до палаты номер четыре.

В палате все спали, яркие новогодние огни с праздничной ёлки из парка Горького беззаботно светили в окна мрачного казённого заведения. Медсестра указала пальцем на кровать, и маленькая мама, обессиленная от рвоты и высокой температуры, поспешила лечь.

Пружины на кровати тихо заскрипели, приветствуя очередного пациента, старый матрас приглушил их скрип. Накрахмаленное, безупречно белое белье, больничный запах, раскаты новогоднего фейерверка. С новым 1991 годом! Сквозь сон маленькая мама заметила, что, как только медсестра вышла из палаты, несколько детей вскочили с кроватей и бросились к окну любоваться салютом.

– Нормально загреметь в больницу в новогоднюю ночь! Эй, новенький, у тебя какой диагноз? Заразный? – шёпотом окликнул маму хулиганистый крупный мальчик лет четырнадцати.

У мамы не было сил ответить. В следующее же мгновение она заснула.

Когда мама проснулась, дети уже встали, старшие даже заправили свои койки. В палате оказалось двенадцать кроватей и десять детей. Две кровати мозолили глаза обнажёнными пружинами, ожидая своих пациентов.

Мама и девочка напротив были младшими среди детей. Самым старшим был крупный кучерявый мальчишка – Денис, который возомнил себя королём палаты. Вёл он себя развязно и нагло. По коридорам ходил в окружении

небольшой свиты, говорил громко и старался подшутить над всеми вокруг. Да и на шутки это не походило, скорее, издевательства, ему нужен был лишь повод, чтобы громко рассказать об этом всем детям, посмеяться и подразнить ребёнка.

Мама очень боялась, что кто-нибудь узнает, что ей выдали семейные мальчишечьи трусы. Такой позор. Понуро ходила по палате, крепко сжимая резинку на пижамных штанах.

Первые дни маленькую маму часто уводили на анализы и процедуры, она часами лежала под капельницей, и ей успешно удавалось избегать общения с соседями по палате. «Хорошо бы Дениса выписали поскорее, он такой злой!» – думала мама.

Вечером к окнам палаты подходили родители, они стучали по стеклу и передавали в форточку пакеты с вкусной едой, книжками, журналами и предметами личной гигиены. Долго разговаривать не получалось – с улицы тянуло январским морозом, и все боялись, что кто-то из медицинского персонала увидит. Поэтому дедушка крикнул: «Мне сказали, ты скоро поправишься!» И маме лишь оставалось помахать рукой папиной бежевой дублёнке и норковой шапке, исчезающей в метели.

Маленькая мама, хлюпая носом, побежала к кровати, хотелось притвориться спящей и всплакнуть в подушку. Пожалеть себя маленькую, одинокую девочку, которая вместо каникул, походов по новогодним ёлкам с подарками лежит совсем одна в больнице, в мальчиковых трусах, с детьми, в любой момент готовыми её высмеять.

– Эй! Не слышишь? Что тебе принесли? Давай делиться! – командовал Денис.

Мама с отрешённым взглядом села на кровати, пружины послушно прогнулись, сочувственно скрипнули и покачали девочку. Развернув пакет, мама высыпала на постель мандарины и яблоко. Ещё там был ярко-красный тюбик зубной пасты с блестящими иероглифами. Этот дефицит привезла соседка тётя Марина, она спортсменка, в сборной страны по гребле, часто ездит на соревнования по всему миру. Она привезла несколько упаковок детской зубной пасты из Японии и подарила всем своим друзьям, у которых были дети.

– Ух, ты! – восхитился Дениска, по-хозяйски откручивая колпачок, слегка выдавил пасту, понюхал. – Фантастика! Можно почистить? – он смотрел на маленькую маму, затаив дыхание, с наивным, полным надежды детским выражением лица.

Маленькой маме вожак палаты больше не казался страшным, сейчас она вспомнила, что за неделю, которую она провела в больнице, к Дениске ни разу не приходили родители. Ей стало жаль этого коренастого рыжего мальчика, и пусть он посмеивался над всеми, и на семь лет старше, он тоже был больной, тоже одинокий и тоже очень несчастный в новогодние каникулы в больнице. И кто знает, может, ему выдали девчачьи трусы?

– Пожалуйста, хоть разочек, хоть один зубок почищу? – наконец выдавил гроза палаты номер четыре, а может, и всей больницы.

– Только пасты не больше горошинки за раз! И я сама выдавлю! – строго сказала мама, она уже тогда умела ловко чувствовать момент, когда можно диктовать свои условия.

Дениска вприпрыжку, теряя тапки, помчался к прикроватной тумбочке за щёткой, а вместе с ним бросились и все остальные обитатели палаты номер

четыре, которые давно уже окружили мамину кровать и с любопытством следили за происходящим.

В этот день каждый ребёнок почистил зубы раз десять, а причиной этой чистоплотности оказалась невероятно вкусная японская зубная паста! Дети просто её ели.

Маленькая мама тоже попробовала, паста напоминала сладкое желе волшебного-фруктового вкуса.

– Пап, принесите мне, пожалуйста, ещё японской зубной пасты! – крикнула маленькая мама в форточку.

– Мы же тебе два дня назад приносили? – удивился дедушка.

– Да, но там тюбик маленький, быстро закончился! – сказала мама, понимая, что на кону её репутация самого крутого ребёнка в палате, с такой репутацией можно спать в семейках спокойнее и утром не надо просыпаться раньше всех, чтобы, пока никто не видит, под одеялом незаметно надевать пижамные штанишки.

– Хорошо! Конечно, дочь! – кивнул дедушка.

И все дети в палате улыбнулись.

Бизнесмены

В прошлом году у нас в школе были безумно популярны спиннеры-крутилки. Такие игрушки, в середине шарнир от роликовых коньков, он раскручивается, и игрушка крутится несколько секунд в твоих руках. Интересно.

Папа принёс с работы 3Д-принтер, и я решил сделать спиннер сам. Я скачал бесплатные файлы с моделями спиннеров, напечатал. В центр я вставил шарнир, а по краям для веса – тяжёлые крупные гайки, чтобы лучше раскручивались. Когда я сделал для себя, братьев и друзей, я решил развернуть свой бизнес и продавать самодельные спиннеры. Мама вздыхала, говоря, что они получаются дороже, чем китайские в интернете. Но из Китая заказывать долго, а играть детям хочется сразу. Поэтому, несмотря на опасения мамы, дела у меня шли хорошо.

Но вскоре мы уехали на каникулы в Россию, и, когда я вернулся, уже никто не играл со спиннерами. Они вышли из моды, приелись. Все поголовно стали таскаться с лизунами. Вот так всё сурово в бизнесе: сегодня ты на волне, завтра на обочине рынка. Хорошо, что мама меня поддержала, пообещала, что мы ещё что-нибудь придумаем, и рассказала историю про свой бизнес в детстве.

Знаете ли вы, что в Советском Союзе была так называемая плановая экономика. И запрещалось частное предпринимательство, другими словами, за собственный бизнес тебя могли посадить в тюрьму, это было преступлением, подрывом коммунистических идей. Но в 1990 году СССР распался и в новой России началась *перестройка*. Тогда хлынули все с баулами в Турцию и Китай, а вернувшись, выходили на рынки продавать. А кто-то торговал отечественными продуктами: значками, шнурками, овощами с дачи, соленьями. Вот и у мамы зародились идеи: «А не продать ли нам что-нибудь?» Но что, она не знала.

Однажды ранней осенью бабушка с дедушкой поехали на выходные на дачу, мама упросила взять с собой подружку Дашу. Урожай уже был собран,

трава пожелтела, последние тёплые деньки золотой осени и опустевшие дачные домики наводили тоску.

Девочки решили прогуляться к ручью, и там в посадке они впервые увидели мухоморы. Ядовитые грибы блестели на солнце своими алыми шапочками, а ярко-белые точки придавали им необыкновенное очарование. Вдруг маме пришла в голову отличная идея.

«Дашка! – крикнула она. – А давай, мухоморы соберём! Засушим, покроем лаком и будем как сувениры напротив продуктового магазина у киоска «Союзпечать» продавать!»

«Они же ядовитые?!» – напомнила подруга.

«Да! Мы руки помоем! И есть их не собираемся! Ты посмотри, какие они красивые! Мы заработаем на мороженое!» – уточнила детали бизнес-плана маленькая мама.

Девочки аккуратно собрали три пакета мухоморов. Разложили грибы сушиться на подоконнике. Но в город собирались в такой спешке, что совершенно позабыли про «сувениры».

Ранней весной, когда снег растаял, дороги подсохли и маленькая мама с сестрёнкой и родителями приехали на дачу, бабушка принялась мыть домик и сушить вещи, оставленные на зиму. И тут она подошла к подоконнику, отёрнула тюль и увидела ярко-красные шляпки засохших мухоморов, ножки подгнили и оставили на белой краске коричневатые разводы, множестводохлых мух лежали тут же. Вы бы видели бабушкино лицо. Это был шок. Хорошо, что мама оказалась поблизости и рассказала про свои неудавшиеся бизнес-идеи.

Так что предпринимательская жилка у нас в крови.

Про профессии

Когда я вырасту, я буду как папа – программистом-предпринимателем. Мы бы тогда ходили вместе на работу и виделись каждый день. Ну, и работа у него такая, что уйти можно, когда хочешь. А мне ещё в НХЛ играть. Там игры два раза в неделю, свободный график нужен.

Мама с папой вместе учились, она тоже была математиком-программистом, говорит, писала игры детям, пока не ушла с головой в материнство. А сейчас она фотограф. Профилирует на портретной съемке, её часто в школы приглашают волонтерить. Я уже без фотоаппарата маму представить не могу, это как часть её тела. А когда нас уложит спать, бежит к своему компьютеру и ночами напролёт редактирует фотографии.

Мишка, когда был маленьким, хотел стать учёным, чтобы придумать лекарство от старости и спасти маму от вымирания. Но когда он подрос, то решил стать ещё и палеонтологом, потому что обожает динозавров, а может, у него получится даже воссоздать Тирекса из генов курицы.

А Ромашка наш, Ромка, самый младший, мечтает стать водителем мусоровоза. До ужаса эти мусоровозы любит.

Ежедневное

Пришёл из школы, бросил на пол рюкзак, сразу жить стало веселее. Скинул куртку, пнул в угол ботинки.

– Мам, можно поиграть? – кричу с порога.

– Сначала помой руки, покушай и сделай домашнюю работу, – отвечает мама из кабинета.

Наверное, хорошо тем детям, у которых родители работают в офисе. Мама фотограф и большую часть работы делает дома. (На час съёмок от пяти до десяти часов редактирования.) Поэтому контролировать нас тоже успевают.

– Мам, я поел. Теперь можно поиграть?

– Ты сделал домашнюю работу? – пилила мама.

– Да, ещё в школе успел, – с гордостью заявил я.

– Играй! У тебя хоккей сегодня, выезжаем в шесть. Понял? Приготовь сумку к этому времени. Больше напоминать не буду, следи за временем сам.

– Понял!

– Артём! Нам выходить через пять минут, у тебя хоккейная сумка не собрана!

– Бегу! – растерянным голосом лепечу, выключаю Нинтендо Свитч, бросаю команду – скинут очки, но это о'кей, разгневанная мама куда страшнее.

Сумку я профессионально собрал за три минуты, я вообще рекордсмен по надеванию и сниманию хоккейной формы. Это потому, что мы часто опаздываем, ведь на тренировки таскаться приходится с малышняй, пока все поплачут, покакают, попьют. У меня просто не было выхода. Научился.

Тренировка сегодня была поздняя, вернулся домой в девятом часу. Пошёл делать домашку. Тут за спиной слышу гневное сопение.

– Ты что, не сделал домашнюю работу и сел играть? – спрашивает мама, которая справедливо решила, что её обманули.

– Мама, ты не так всё поняла. Это мой экстренный метод по успешной подготовке к тесту. Когда задают подготовительную работу к итоговому тесту, заучки делают его в первый же день, бездельники вообще не делают, а я выполняю задание в самый последний момент! Это такая тактика, чтобы не забыть и хорошо сдать тест!

Хмурая мама молча вышла из моей комнаты и пошла укладывать спать Ромку. Я выкрутился. Yes!

* * *

Мама укладывала спать Ромку, я спросил: «Полежишь со мной перед сном?» Она вздохнула: «Ладно, только когда Ромка уснёт». Я обрадовался и добавил: «Мам, в книге рекордов Гиннеса ты лучшая мама в мире, несмотря на то, что всегда заставляешь меня мыться после тренировок!» Она шмыгнула носом и прошептала, утирая слёзы рукой: «Спасибо, сыночек!»

* * *

У меня, конечно, ещё есть о чём поведать миру. Но это в другой раз. Как-никак каникулы на носу. Всем пока! С уважением, Артём.